

ДВА РАССКАЗА

(из цикла «Непедагогические рассказы»)

ЖЁЛТЫЙ ЛИСТ, ЗЕЛЁНЫЙ ЛИСТ...

Большой земной шар вращался, не замедляясь и не ускоряясь, ночь аккуратно сменяла день, а маленький земной шарик забуксовал – он вертелся туда-сюда, не в силах сделать полный оборот, и день перестал отличаться от ночи. У маленького земного шарика сломалась ось. Наступило время отчаяния.

Стоя на коленях, обхватив крест-накрест кистями рук плечи, Хеджихог, он же Ёжик, мерно раскачивался взад-вперёд, словно буддийский монах во время молитвы. Земля была холодная, стылая и по-весеннему влажная, небо – серое и безрадостное, но это его уже не касалось, большой шар перестал для него существовать. В голове Ёжика гудел колокол, многократно вызванивая одно и то же: «Дря...нь! Дря...нь! Дря...нь!».

Время от времени колокол визуализовался то как раскрытый рот с напомаженными губами, в чёрной глубине которого бился розовый шершавый язык, то как чёрная юбка, которую попеременно натягивали коленки, обтянутые телесного цвета чулками.

Всё это: слова, губы, язык, коленки и чёрная юбка принадлежали двадцатисемилетней учительнице географии – Барбаре Станиславовне Сташевской, в школьном мире именуемой Барби. Хеджихогом или Ёжиком в этом же мире называли Игоря Малышева – ученика девятого класса школы для детей, озабоченных естественными науками.

Историю о маленьком земном шарике стоит начать с того, что семья Игорька состояла из него и мамы – тридцатипятилетней Анны Павловны Малышевой, врача-терапевта районной детской поликлиники и, по совместительству, матери-одиночки. Сына Анна Павловна родила от однокурсника-ловеласа, который, узнав о предполагаемом рождении ребёнка, быстренько перевёлся в мединститут провинциального городка, по окончании которого благополучно отъехал в Америку.

Родившийся мальчик был обречён на страдания: в детстве он испытал все прелести безотцовщины, но юность оказалась еще жёстче. Терновый венец дополнил шип взаимоотношений с девушками. Унаследовав от отца броскую внешность: роскошные иссиня-чёрные, прямые, как у индейца, волосы, голубые глаза, тщательно вырезанный нос с небольшой горбинкой, маленькие аккуратные губы, плотно прижатые уши с закруглёнными мочками, выдающийся острый подбородок, широкие плечи, большие жилистые руки, узкие бёдра и длинные ноги, Игорёк унаследовал от матери неистребимую любовь к чистоте, которая, не ограничиваясь крошками на кухонном столе, распространялась на человеческие отношения.

Быстрее развивающиеся одноклассники не могли не заметить эту ахиллесову пяту Игорька. На одной из вечеринок подвыпившая Катька Волкова, по прозвищу Пельмешка, затащила Игорька в ванную и спешно принялась стаскивать с себя через голову чёрную майку. Выскользнули две груди, что само по себе не явилось

для Игорька неприятной неожиданностью, но резкий запах потного человеческого тела вызвал отвращение. Игорёк отодвинул Катьку и вышел из ванной.

- Ты что, голубой? – заорала оскорблённая и подогретая пивом девушка.
- Нет, я брезгливый, – ответил, не оборачиваясь, Игорь.

Катька полезла царапать ему морду, но их растащили. Пельмешку, впавшую в ярость, отпоили пивом, а Игорька не стали трогать, зная отчаянный характер. В гневе он способен был разбить голову о стену или выпрыгнуть из окна. Но из-за этого случая за ним закрепилось прозвище Хеджихог, или по-русски Ёжик, а одноклассницы в разговоре часто называли его «Хеджихог ин Фог», т. е. «Ёжик в тумане», и выразительно крутили пальцем у виска.

Барби появилась в школе в сентябре и мгновенно привлекла всеобщее внимание, да она и не могла его не привлечь. Роскошная блондинка с холодными серыми глазами и слегка вздёрнутым носиком, затянутая в умопомрачительные блузки и облегающие юбки с боковыми разрезами от пояса, сквозь которые, не стесняясь, сверкали чулочные кружева, она вызывающе отличалась от серых мышкетерниц, давно забывших свой пол в поисках средств существования.

Во всём разбирающиеся девушки тут же оценили, что «на ней висит не на одну штучку», и озадачили школьную общественность вопросом: «А на кой ей это надо?».

Между тем Барби попала в школу из-за своей польской вспыльчивости. Выясняя отношения с третьим по счёту мужем, резонно заметившим, что ей не на что будет существовать, если она откажется от его финансовой поддержки, Барби заявила, что лучше пойдёт в школу преподавать географию, на что у неё имелся соответствующий диплом, чем будет кормиться из поганых рук. Как сказала, так и поступила.

На первом же уроке географии она «сделала» Пентхауса – Володьку Мережкова, способного загнать в краску многих любителей порнухи. Барби проходила по ряду между парт, когда он раскрыл журнал с девицами на самой срамной фотографии. Остановившись возле Пентхауса, она сказала:

- Убери. Штаны испачкаешь.
 - О своих позаботьтесь, – ухмыляясь, отпарировал Пентхаус.
- Класс не успел заготовить, Барби среагировала быстрее и наглее:
- Обо мне не беспокойся, у меня прокладка «Либресс инвизибл». Есть запасные, могу поделиться с тобой. Тебе какие лучше, с крылышками или без?

Она говорила не смущаясь, не краснея, не опуская глаз, чётко и размеренно, словно речь шла о притоках реки Амазонки или полезных ископаемых в Восточной Сибири.

- А ещё я дам тебе презерватив, чтобы ты в него собирал слюни, просматривая фото для стариков-импотентов.

Барби не собиралась останавливаться, а Мережков был не настолько нагл, чтобы отвечать на такое. Он потупился и убрал журнал.

Ёжик, как, впрочем, и остальные, на протяжении всей словесной стычки не сводил с Барби глаз, но он не слышал слов, да и не вслушивался. Барби стояла к нему вполоборота на расстоянии вытянутой руки, скрестив руки на груди и презрительно сверху вниз рассматривая Володьку. Волосы её были подобраны вверх, и от этого шея казалась ещё длиннее. А глаза... Какие были глаза!

Хеджихог влюбился мгновенно и намертво, он потерял интерес ко всему, кроме уроков географии: не учился, не ел, не спал, только грезил. Его будни заволоч туман, из которого временами появлялась светлая богиня и говорила, обращаясь к классу: «Тема нашего сегодняшнего занятия...»

Мама сразу заметила его состояние и точно поставила диагноз.

- Кто она? – спросила Анна Павловна.
- Учительница, – просто ответил Ёжик.

– Господи! Горе-то какое! – вырвалось у мамы, и она обняла несчастного Игорька.

Ёжик уткнулся в мамину грудь головой и рассказывал, рассказывал, какая она, какая она, а мама плакала.

Барби не могла не заметить влюблённости Ёжика, и ей, не обделённой мужским вниманием, было забавно наблюдать за его трогательным поведением. Через какое-то время она стала использовать Ёжика в популистских целях. Уроки географии были красочными и захватывающими, так как, поездив по миру с тремя состоятельными мужьями, выполнявшими любые её прихоти, Барби могла рассказать увлекательные подробности о жизни на Тихоокеанских островах, о сафари в Центральной Африке и об индейцах Южной Америки. Время от времени она прерывала рассказ и спрашивала Игорька:

– Ну, господин Малышев? Какие колючие млекопитающие населяют Австралию?

– Сумчатые ёжики, – счастливо улыбаясь, отвечал Игорёк.

Богиня обратила на него внимание. Класс, купленный дешёвой шуткой красивой и уверенной в себе женщины, услужливо ржал.

Игривые взаимоотношения резко изменил случай. Барби плыла по безлюдному коридору, следом за ней шел Ёжик. Навстречу им попался учитель физкультуры. Поравнявшись с Барби, он её громко поприветствовал, Барби снисходительно кивнула. Позабыв о Ёжике, зло улыбаясь, физрук вслух громко произнес:

– Я когда-нибудь эту сучку так...

Как – он не успел рассказать. Игорёк ударил его наотмашь по лицу, но справиться с накачанным бугаём ему было не под силу. Физрук, служивший в ВДВ, умело пнул его ногой в живот, так что у Ёжика потемнело в глазах, но он выпрямился и вцепился как клещ в ненавистную бычью глотку. Здоровенные лапы сжали Ёжику руки, так что он не мог ими пошевелить, и тогда Хеджихог откинул голову и ударил лбом по носу и губам физрука. Тот взвыл от боли и опрокинул Ёжика на пол. Неизвестно, сколько бы они катались по полу, если бы подбежавшие Пентхаус и Сашка Дорошенко, по прозвищу Травкин, их не растащили.

Противники тяжело дышали, с ненавистью глядя друг на друга. Коридор наполнился школьниками и учителями, выбежавшими из кабинетов. Зрители прибывали и прибывали, располагаясь вдоль стен коридора, а площадка с тремя главными действующими лицами – Барби, Ёжиком и физруком оставалась свободной. Барби слышала и видела, но она словно окаменела, обернувшись на шум драки. Никто из зевак не знал, что произошло, но все ясно видели, что что-то связывает этих троих: окровавленных юношу и мужчину, разделённых двумя шагами, и молодую женщину в пяти шагах от них. Наступила тишина, и зрители застыли в ожидании финала, который сыграла Барби. Она подошла к Ёжику, на ходу доставая из рукава белоснежный платочек, отёрла от крови его лицо, а потом, обхватив его голову руками и слегка наклонив, поцеловала в губы. Скомкала платок, запихнула его в руку Ёжика, неспешно повернулась и ушла.

Все трое отказались что-либо объяснять директрисе. Учитель физкультуры ушёл из школы по собственному желанию. На прощание он отозвал Ёжика в сторонку и сказал:

– Я прошу у тебя прощения, перед тобой я виноват, – он чётко выделил «перед тобой» и протянул Ёжику руку. В сущности, физрук был неплохим парнем, и Ёжик пожал протянутую руку.

– Но ты ходишь по краю пропасти, – физрук хлопнул Игорька по плечу, и на этом разговор закончился. Как стало известно, у Барби просить прощения он не стал.

С этого момента Ёжик стал признанным другом Барби. Таскать за ней тетрадки и ноутбук, приносить для неё минеральную воду и кофе – стало его обязанностью. Эпатируя пожилых учителей, Барби ходила по коридору, полубождая Ёжика

и что-нибудь шепча ему на ухо. Как-то она во всеуслышание сказала новенькой восьмикласснице, засмотревшейся на Игорька:

– Ты на моего Ёжика не пялься, а то я тебе серёжки вместе с ушками оторву и к попке приклею. Будешь ты серебристым мотыльком. – Высказывание мгновенно распространилось по всей школе.

Идиллия сохранялась до того дня, когда Барби сломала каблук туфельки. Выйти из школы, припадая на одну ногу, даже если надо доковылять до вызванного такси, – это было ниже достоинства Барби. Конечно же, в мастерскую после занятий помчался Ёжик, бережно сжимая в руке туфельку своей королевы. Пока он ходил, пока в мастерской закрепляли тонкий каблук, школа опустела, никого, кроме Барби в кабинете географии и охранников на проходной, не осталось. Когда Ёжик вернулся, она сидела в пустом классе и читала книгу.

– Вот, – выпалил Ёжик, протягивая туфельку.

– Можешь надеть сам. Заслужил, – смеясь, сказала Барби.

Ёжик опустился на колени и, аккуратно приподняв маленькую обтянутую тонким чулком ножку Барби, надел на неё туфельку. Ровные круглые коленки, выглядывающие из-под чёрной юбки миди, заворожили Хеджихога, и он уткнулся в них головой, обхватив руками ноги Барби.

– Эй, эй, – запротестовала Барби, – это уже слишком.

Она встала и нетерпеливо перебирала ногами, попавшими в капкан, но Ёжик не разжимал рук. Барби начала заводиться, и, наконец, её терпение лопнуло.

– Может, ты нюхач? Тогда я тебе помогу, не стесняйся, – Барби задрала юбку, обнажив узкие белые трусики, но Ёжик не поднял головы.

– Поняла, – протянула Барби, – тебе хочется увидеть. Ты в своё время не подсмотрел, как Это выглядит у мамы.

При слове «мама» Ёжик вздрогнул, разжал руки и медленно поднялся, глаза его потемнели.

– У мамы ЭТО выглядит хорошо. У мамы ЭТО не может выглядеть плохо, потому что через ЭТО мама меня родила.

Больше он ничего не сказал, повернулся и пошёл к двери. Барби поняла, что сморозила гадость. Она оправила юбку, догнала Ёжика и прильнула к нему сзади, обвив руками его шею.

– Ну прости! Ну прости! – быстро говорила Барби, целуя его затылок. – Всю жизнь возле меня кобели тёрлись, и я возле них сухой стала. Ну прости! Ты же добрый Ёжик.

Конечно, Ёжик простил. Когда позволяло расписание уроков, они стали задерживаться в школе. Барби садилась на стол. Ёжик обнимал её ноги и клал голову ей на колени, а она ерошила его упрямые жёсткие волосы.

Была еще одна причина, из-за которой Барби не противилась этой забаве. Непрерывно в течение семи лет находясь замужем, она нуждалась в мужчине. Двухмесячное воздержание, в котором пребывала Барби, дурно сказывалось на её характере: она стала нервной и раздражительной. Романтические объятия Ёжика отчасти её успокаивали, но унять загнанное внутрь желание не могли.

Как-то Барби набила большую кожаную сумку книгами, взятыми в библиотеке, объяснив, что надо серьёзно позаниматься, и Ёжику пришлось тащить сумку к ней домой. Он даже не успел осмотреться в её квартире. Барби молча поволокла его в ванную и, раздев, поставила под душ, потом разделась и вымылась сама. Не выпуская руку Ёжика из своей, она привела его в комнату и положила на диван.

Казалось, Барби обезумела и вела себя в постели с Ёжиком, как ненасытный зрелый мужчина, которому досталась на одну ночь юная, неопытная и по уши в него влюблённая девица. Наслаждение, которое испытал Ёжик от близости с женщиной, не смогло целиком затмить разрушения волшебной сказки. Как будто в домике феи возле ложа из розовых лепестков оказалась шкатулка с противозача-

точными средствами. В какой-то момент у Ёжика мелькнула мысль, что Катька Волкова просто не догадалась помыться под душем.

Случившееся нельзя было сохранить в тайне. Одноклассники Ёжика сразу почувствовали, что он и Барби переспали, и, как любая молодежь, приняли сторону осуждаемых. На уроках географии вместо непрекращающегося гама воцарилась тишина, класс внимательно следил за быстрыми и пронзительными взглядами, которыми обменивались любовники. Девушки млели, когда Барби, проходя мимо Ёжика, забывалась и нежно проводила по его волосам рукой или, остановившись возле него, склонялась над его книгой и касалась своей щекой его щеки. Класс молчаливо взял на себя патронаж над этими двумя, потерявшими рассудок, делом чести стало укрытие их связи. Как-то во время перемены, когда все демонстративно вышли из кабинета географии, чтобы дать возможность Барби и Ёжику нацеловаться, появилась директриса Раиса Иосифовна. Она искала Барби, и до того, чтобы войти в кабинет, увидеть безобразие и устроить скандал, ей оставалось пройти ровно три шага... Последовавший поступок Пентхауса можно было бы сравнить по героизму с прыжком в бассейн, наполненный голодными акулами. Он догнал директрису и со словами: «Вот это ж...па!» сильно хлопнул её по правой, действительно огромной, ягодице. От рёва разъяренной Раисы Иосифовны описался один из первоклассников этажом ниже. Пентхаус стал божиться, что не узнал её. Озверевшая директриса впала в транс и орала:

– Что не узнал? Мою ж...пу не узнал! Лжёшь!

Надо заметить, что упрек её был справедлив, не узнать её ж...пу было действительно невозможно. Друга стал вырывать Травкин:

– Раиса Иосифовна, его нехорошие пацаны сигаретой с травой угостили, и он сейчас ни черта не соображает. Сколько раз я ему говорил, чтобы не стрелял у незнакомых людей. Можно я ему, гаду, по морде дам? Как он смеет директора по ж...пе бить!

– Ты кому по морде – мне по морде? Да я тебя сам урою! – Пентхаус и Травкин уже готовы были сцепиться, когда в очередной раз директорша заорала. – Прекратить! Я буду с вашими родителями разбираться! – И ушла.

Родителей она вызывать не стала, осознавая комедийность ситуации, и скандал потихоньку угас.

После недели объятий и ласк урывками воскресенье Барби и Ёжик проводили в постели. Пресытившись и успокоившись, Барби ставила диск Вертинского и, положив голову на грудь лежащего Ёжика, слушала. Ей нравились все песни, а Ёжику только «Пани Ирен»:

Разве можно забыть эти гордые польские руки...

Как-то, слушая «Сумасшедшего шарманщика», – «Мы осенние листья, нас всех бурей сорвало...» – Барби сказала:

– Мы с тобой эти осенние листья. Я жёлтый лист, а ты зелёный, и я тебя накрыла.

Часто Барби переворачивала Ёжика на живот. Под его правой лопаткой три родинки составляли контур ёжика, Барби водила по ним пальцем и говорила:

– У тебя даже лейбл есть, что ты Ёжик.

В конце концов о том, что сын живёт с женщиной, и более того, учительницей, узнала мама. Анна Павловна стирала вещи Ёжика, и из брюк выпал надорванный пакет от презерватива. Когда поздно вечером Ёжик появился в доме, мама спросила.

– Ты с ней спишь?

– Да, мама, – разрушив слабые сомнения, подтвердил Ёжик.

На следующий день Анна Павловна, отменив приём в поликлинике, позвонила Барби. Встреча произошла в парке. Расположившись на скамейке, женщины какое-то время молча рассматривали друг друга. Их разделяло восемь лет, но ухоженная и умело покрашенная Барби ощущала себя зрелой дамой, а простенько одетая и почти не пользующаяся косметикой Анна Павловна чувствовала себя девочкой.

– И эта лахудра собирает меня воспитывать, – подумала Барби.
– Эту белокурую бестию не проймёшь, – подумала Анна Павловна.
– Давайте начнём, – протянула Барби. – Можно на «ты», – насмешливо продолжила она, – ведь мы, можно сказать, родственницы.
– Ты убиваешь моего сына.
– Убивают живых – он ещё не жил.
– Жизнь – это постель?
– Жизнь – это любовь.
– Даже если это любовь несовершеннолетнего мальчика?
– Тебя бы больше устроило, если бы он мастурбировал в ванной или тёрся по углам с малолетними потаскухами? Одна из них родила бы тебе золотушного внука, и ты бы возилась с этим вырожденком до его совершеннолетия, проклиная его сопливых родителей.
– Даже в последнем случае у меня бы остался сын.
– Если тебе не с кем нянчиться, заведи собаку или кошку.
Анна Павловна поднялась, больше разговаривать было не о чем.
– Чтоб твоей груди никогда не коснулся ребёнок, – в сердцах сказала Анна Павловна.

– А твоей чтоб никогда не коснулся мужчина, – весело отпарировала Барби. Зная, как Ёжик относится к маме, она не стала ему сообщать об этом, смешном для неё, происшествии.

Наступившая зима несколько охладила накал страстей. Отношения Барби и Ёжика приобрели некоторую размеренность и плавность: больше ни с кем не надо было бороться. Уже не скрываясь, они вместе выходили на прогулки и, как два жизнерадостных щенка, валялись в снегу.

Внезапно за три дня до Нового года Барби исчезла. Её домашний телефон молчал, а мобильник оказался отключённым. Когда Ёжик явился к ней домой, то со слов соседей выяснилось, что она уехала на каникулы. Всю новогоднюю ночь Ёжик просидел возле телефона. Он не пошёл веселиться с одноклассниками, и с мамой пить шампанское под бой курантов отказался, заявив, что для него Новый год ещё не наступил. Зимние каникулы Ёжик провалялся на диване с наушниками на голове, слушая один и тот же диск с песнями Вертинского.

В первый после каникул учебный день Игорёк выскочил из дому ни свет ни заря и бросился в школу. Барби не пришла. Она позвонила Раисе Иосифовне во время обеденного перерыва и в категорической форме, не слушая никаких возражений, сообщила, что больше преподавать географию не будет. Звонок был изда- лека.

На Ёжика было больно смотреть. В будни, как заведённый, изо дня в день он ходил в школу, где с утра до позднего вечера сидел в кабинете географии, занимая одно и то же место. Его обходили, как чумного, потому что одноклассники дали ясно понять, что прибьют всякого, кто хотя бы попытается сказать ему слово. Первое время новая учительница географии не знала, как себя вести с Ёжиком, который, не отлучаясь, торчал на всех её занятиях, а потом привыкла, как к необычному предмету, занимающему в кабинете определенное место.

В последних числах марта в субботу утром Ёжик получил заказное письмо из Бельгии. Письмо было от Барби.

– Здравствуй, Ёжик! – писала Барби.

«Три месяца я не давала о себе знать, чтобы ты не наделал глупостей и привык к мысли, что меня больше не будет в твоей жизни. Я вышла замуж и по крайней мере решила свои финансовые проблемы. Извини, но дешёвая одежда и дерьмовая еда не для меня. Какое-то время проживу за границей, чтобы тебе не пришла в голову мысль меня увидеть».

Будь мужчиной, Ёж! Мы неплохо провели время вдвоём. С твоими данными у тебя никогда не будет проблем с женщинами, только относись к ним легко.

Будь счастлив!

Прощай.

Барби

P.S. Если будет совсем тяжело, утешай себя тем, что я дрянь».

Стало тесно, комната сжалась до размеров грудной клетки, в которой бешено билось сердце. Мама обходила по вызовам чьих-то детей и не ведала, что в неотложной помощи нуждается её ребенок. Ёжик лёг на пол лицом вниз, но бетон, покрытый линолеумом, не успокаивал; тогда Ёжик накинул куртку и, захлопнув дверь, вышел на улицу. Не раздумывая, он отправился на ближайший вокзал, где сел в отходящую электричку и примерно через полчаса вышел на незнакомой станции.

Скользкая после сошедшего снега тропинка привела его в берёзовую рощу. Ёжик выбрал маленькую полянку и, обхватив руками плечи, стал на колени. Какое-то время он раскачивался, как буддийский монах, в голове гудело: «Дря...нь! Дря...нь», но сердце не унималось. Тогда Ёжик встал, разделся до пояса и, обхватив руками ближайшую берёзу, прижал сердце к её белой коре. Стало легче. Холода он не чувствовал, и не видел наступления вечера, а за ним ночи.

В воскресенье Ёжика нашла собака, которую молодая супружеская пара вывезла для прогулки по весеннему лесу. Овчарка истошно лаяла и тащила хозяев на маленькую полянку среди берёзовой рощи. Ночные заморозки навсегда успокоили Ёжика, он замёрз стоя, обняв ствол берёзы. В кармане его брюк нашли письмо от Барби.

В четверг в школе отменили занятия: старшеклассники и учителя прощались с Хеджихогом. Анна Павловна не захотела, чтобы увидели гримасу отчаяния и боли, застывшую на лице сына, и Ёжика хоронили в закрытом ящике. Девчонки, обнявшись, плакали, мальчишки втихомолку вытирали глаза кулаками. Не плакала Пельмешка, от неё разлило перегаром, её лицо опухло и стало безобразным. Когда ящик поместили на дно ямы, она опустила на колени и низко наклонила голову, так, что спутавшиеся нечёсанные волосы легли на землю. После того как яму засыпали и вместо неё образовался песчаный холм, Пельмешка поднялась с колен, подошла к Анне Павловне и поцеловала ей руку. Анна Павловна положила её бедовую голову на свое плечо и заревела.

На следующий день Пельмешка не пришла на занятия. После обеда в школе появились её мама и старший брат. Пельмешка исчезла вместе с музыкальным центром и мотоциклом брата, оставив маловразумительную записку: «Сашка, прости за мотоцикл». Подключили милицию, но поиски не дали никакого результата.

Объяснение явилось через три дня в лице директрисы Раисы Иосифовны, ворвавшейся на урок физики с газетой в руках в сопровождении Анны Павловны и учительницы французского Жанны Владимировны.

— Жанна Владимировна, переведите, пожалуйста, ещё раз! — сказала директриса, и со значением добавила, — а потом поговорим.

Заметка из бельгийской газеты называлась «Русские беспорядки». В ней сообщалось, что в городе Левине русская девушка-тинейджер облила красной краской хорошо одетую молодую женщину, выходящую из собственного дома в сопровождении телохранителя. Телохранитель и шофёр женщины, выбежавший ему на помощь, с трудом справились с отчаянно дерущейся девушкой, находившейся

в состоянии среднего алкогольного опьянения. Девушка, обращаясь к молодой женщине, испуганно выкрикивала странную фразу, которую шофёр-русский пел-ревел как «На тебе, собака, кровь ежа».

– На тебе, сука, кровь Ёжика, – поправил Пентхаус.

– Обойдёмся, Мережков, без твоих комментариев, – оборвала Пентхауса Раиса Иосифовна.

Далее в заметке сообщалось, что в полицейском управлении, куда привезли всех участников скандала, выяснилось, что молодая женщина Барбара Сташевская тоже русская и проживает в Бельгии всего три месяца. Давать какие-либо объяснения она отказалась, а её просьба не подвергать уголовному наказанию девушку Екатерину Волкову не возымела действия. Бельгия, слава богу, не Россия, и в ней действуют законы. Судья г-н Бирлинг вынес приговор, согласно которому за нарушение общественного порядка и безвизовый въезд в Бельгию Екатерина Волкова в течение двух месяцев будет отбывать срок в тюрьме для несовершеннолетних, после чего её вышлют из страны. Жанна Владимировна закончила чтение.

– Мочиться мы хотели вместе с пис-мальчиками на эту Бельгию и её законы, – угрюмо выразил общее мнение Травкин.

– Дорошенко! – прикрикнула Раиса Иосифовна.

– Так вот, во избежание таких выходов я представила анкетные данные всего класса вместе с фотографиями в соответствующее ведомство.

– Может, электронную почту во всей стране отключите? Ничего, наши везде. Этой суке и в Бельгии, и на Таити мало не покажется, – насмешливо отозвался Пентхаус.

– Ребята, – вмешалась до этого молчавшая Анна Павловна, – я прошу вас, не омрачайте память Игоря. Не преследуйте эту женщину. Пожалуйста! – и вышла из класса.

Пельмешка появилась ровно через два месяца. Она односложно и неохотно отвечала на расспросы, однако от участия в вечеринке по поводу своего возвращения не отказалась. Июнь выдался жарким, и от выпитого пива стало ещё жарче. Ребята закатали майки и рубашки, оголив животы. Катя секунду в нерешительности держалась за майку, а потом махнула на что-то рукой и последовала общему примеру. Раздался чей-то удивлённый вздох: на животе Пельмешки был вытатуирован цветной портрет Ёжика, вокруг которого вилась надпись: «Прости меня, моя любовь».

– За любовь, – сказала Екатерина Волкова и подняла стакан пива.

– За любовь, – эхом отозвались остальные.

Прошло четыре года. Одноклассники Игоря Малышева ещё не успели обзавестись семьями и неотложными делами, но собирались всё реже и реже: появились новые друзья и новые интересы. На встречи никогда не приходили Мережков, Дорошенко и Волкова. Пентхаус учился на третьем курсе престижного института и, встречаясь с бывшими однокашниками, слегка кивал головой, Травкин отбывал наказание за наркотики, а Пельмешка проводила время возле пивных ларьков, зарабатывая на кружку пива историей о Ёжике, которая сопровождалась демонстрацией портрета на животе.

Анна Павловна вышла замуж за славного человека и взяла его фамилию – Бахметова. Как-то вечером она сидела в своём кабинете и заполняла последнюю медицинскую карту, а её приемная дочь Юленька, студентка первого курса мединститута, забежавшая за Анной Павловной в поликлинику, что-то возбуждённо рассказывала. Раздался стук в дверь, и в кабинет вошла женщина.

– Приём на сегодня окончен, – не отрываясь от писанины, устало сказала Анна Павловна.

– Я попрощаться, завтра у нас самолёт, – попросила женщина. Голос её показался знакомым. «Какая-нибудь назойливая мамаша», – подумала Анна Павловна.

– Ой! Какой зайчик! – вдруг сказала Юленька.

– Я не зайчик! Я Ёик! – раздался серьёзный детский голос.

Анна Павловна вздрогнула и подняла голову. На неё смотрела слегка заматеревшая, но всё такая же красивая Барби. На её руках сидел трехлетний мальчик.

– Снимите с него рубашечку и поставьте на стол, – почти крикнула Анна Павловна.

Барби беспрекословно подчинилась. Анна Павловна приставила стетоскоп к груди малыша и вслушалась, потом бережно повернула его к себе спиной и, резко вскинув голову, изумлённо посмотрела на Барби.

– Не может быть! – начала Анна Павловна.

– Может! – оборвала её Барби, показав глазами на Юленьку.

Анна Павловна развернула малыша и, обхватив ладонями его плечики, спросила:

– Как тебя называет мама?

– Ёик! – ответил малыш.

– Ежик! – медленно повторила Анна Павловна

ПАПА КАРЛО

Спасительный ларёк сверкал разноцветными этикетками пивных бутылок.

«Светлого и холодного», – подумал Папа Карло и полез в карман летней рубашки за деньгами. В кармане лежал проездной билет. Денег не оказалось, он оставил их в пиджаке. В джинсовых карманах звенели ключи, но не было даже мелочи. Стало ещё гаже. До начала урока оставалось пятнадцать минут, а добираться до дома минимум полчаса.

«Боже мой, стакан пива. Стакан светлого холодного пива, чтобы продержаться до обеда.

Как вести уроки математики с такой чугунной башкой?»

Он опустился на край скамейки. На другом краю торопливо и жадно похмелялся какой-то бомж. Папа Карло отвернулся и почти уткнулся носом в открытую бутылку пива. Он поднял глаза, перед ним стояла Машенька Апухтина.

– Выпейте, Дмитрий Сергеевич. Вон как вас колбасит. Не стесняйтесь, все мы часто оказываемся без денег.

Пока Папа Карло маленькими обжигающими глотками пил холодное пиво, Машенька сидела рядом, попыхивая сигаретой. Она раскурила ещё одну сигарету и протянула Папе Карло.

– Благодарю, – сказал Дмитрий Сергеевич и глубоко затянулся.

– Да, видок, – протянула Машенька и пригладила рукой его растрёпанные волосы.

– Как это вас так угораздило? – спросила она насмешливо.

– Перебирал бумаги и наткнулся на фотографию...

– Женщины, – пронизательно продолжила Машенька. – Надеюсь, она не погибла в автокатастрофе.

– Нет, погиб я, когда она меня оставила. Ладно, пойдём на урок.

Дмитрий Сергеевич преподавал математику в старших классах. В свои двадцать шесть лет он успел блестяще закончить мехмат университета, стремительно подняться от рядового программиста до директора крупной фирмы, продающей программное обеспечение, а затем ещё более стремительно рухнуть в пропасть отчаяния и бездеятельности. Он боготворил женщину, ради неё карабкался, задыхаясь, вверх и из-за неё катился, больно ударяясь, вниз. Его подобрал университет-

ский друг Мишка и пристроил преподавателем математики в школу, где директорствовала его матушка.

Практически во всех старших классах уроки математики велись в диалоговом формате: так, единственным учеником 10-го «Б» класса в полном смысле этого слова был маленький, кудрявый и длинноносый Генка Шестаков по прозвищу «Буратино». С ним Дмитрий Сергеевич решал сложные задачи и обсуждал варианты доказательства теорем. Совершенно логично за ним закрепилась кличка «Папа Карло». Чем занимались на уроках остальные двадцать шесть учеников, включая Машеньку Апухтину, его не интересовало. Время от времени он проставлял им в классном журнале тройки, чтобы было основание поставить тройки за четверть.

Уроки проходили относительно спокойно: хамство по отношению к учителю не поощрял серьёзно занимающийся кикбоксингом Артём Вересов, который вырос в офицерской семье и сам собирался стать военным лётчиком. Однако, хорошо понимая, что можно рассчитывать только на себя, он не стремился к открытому противостоянию с «отстоем», расположившимся на последних столах, так как единственный друг Петька Карев, большеглазый, тщедушный поэт, влюблённый в Машеньку Апухтину, не мог оторвать от пола пудовую гирию. Центр «отстоя» составляли Мирза – Сергей Мирзоев, приторговывающий «дурью», связанный с блатными, постоянно тянущий пиво из банок, которыми он набивал рюкзак, отправляясь получать образование, и его верный спутник – всегда обкуренный Денис Сытин по прозвищу Дуремар.

Папа Карло поздоровался с классом и, опустившись на стул, тупо уставился в классный журнал. Надо было как-то вести урок. На выручку пришла Машенька. Слегка перегнувшись к сидящему впереди Буратино, она что-то быстро зашептала ему на ухо, а Буратино понимающе закивал головой.

– Дмитрий Сергеевич, – взвился Буратино, – ту теорему, которую вы прошлый раз доказывали, можно ещё проще доказать.

– Ну что же, Шестаков, давайте доказывайте! Прошу к доске, – облегчённо отозвался Папа Карло.

Он упёрся локтями в стол и опустил лицо на ладони рук, прикрыв пальцами глаза. За спиной что-то бормотал Генка Шестаков.

– Что, учитель, дерьмово с похмела? – раздался резкий голос Мирзы. – Могу пивка предложить.

– Спасибо Мирзоев. Перебьюсь, – ответил Папа Карло, поднимая голову.

– Что зря напрягаться? Кемарьте дальше. Бабки не платят, и одну только куклу выстрогали для вашего театра – Буратино. Все остальные куклы не ваши, – принявший три банки пива Мирза был настроен потрепаться, – им ваша математика на хрен не нужна.

– Вы хотите сказать, что им нужна ваша математика, и претендуете на роль Карабаса Барабаса, поскольку Дуремар уже есть, – Дмитрий Сергеевич улыбнулся и продолжил, – но Вам надо найти золотой ключик, пока до него никто не добрался.

Класс перестал заниматься своими делишками и затих, прислушиваясь к возникшей беседе.

– Найдём, – почувствовав всеобщее внимание, ухмыляясь, заверил Карабас Барабас. Полученное прозвище ему понравилось.

События, произошедшие на следующем уроке математики, вывели класс из вечного сомнамбулического состояния. Началось с того, что черноволосая Машенька Апухтина явилась в школу с волосами, выбеленными до голубого оттенка, уложенными в крупные локоны и украшенными впереди большим белым бантом. Далее, к середине урока математики, на предпоследних столах, кроме Дуремара, заснули двое любителей халявного пива, которых на перемене щедро угостил Карабас Барабас. Деньги у него водились. Но центральное событие произошло

во второй половине урока. Буратино, решая уравнение, в спешке перепутал знак и застыл у доски в поисках ошибки. Папа Карло обернулся, чтобы ему помочь.

– Генка, возле икса в квадрате ты минус вместо плюса записал, – раздался голос Машеньки. Класс ахнул.

– Ё-мое, да это же Мальвина! Как я сразу не просёк! – громко произнес Карабас Барабас. – А где же Пьеро?

– Я костюм для выступления забыл в театре, – отозвался Карев.

– Может, и пудель Артемон есть? – насмешливо спросил Карабас.

– Может, и есть, – обернувшись к нему, ответил Вересов, – только не пудель, а боксёр.

С боксёром Артемоном один на один Карабас шутить не стал.

Мальвина, Пьеро и Артём Вересов подчеркнуто принялись заниматься математикой, причём Карев соорудил себе наряд Пьеро – колпак, длинную рубаху с рукавами до колен – и ходил в нём по школе, вызывая визги радости у мелких школьников. Через месяц Машенька и Артём уже понимали, о чём говорят Генка или Дмитрий Сергеевич, доказывая теоремы, через полтора научились решать стандартные задачи, а четверть заканчивали с оценками «хорошо». Петьке математика давалась трудно, но, благодаря своему упрямству, он честно зарабатывал тройки.

Между тем противодействие Карабаса не прекращалось и принимало новые формы. Вместо алкогольного и наркотического опьянения отстойной братии, чередующегося с её массовым отсутствием на уроках, посыпались жалобы родителей на алкоголика-учителя, недобросовестно преподающего математику их детям.

Накануне выставления четвертных оценок Дмитрия Сергеевича посетила госпожа Мирзоева. Поскрипывая чёрным кожаным пальто, она вошла в кабинет математики на перемене и, не считая нужным здороваться с Папой Карло, потребовала классный журнал. Папа Карло протянул ей журнал и предложил сесть, Мирзоева никак не отреагировала на его приглашение. Закончив изучение оценок сына по математике, она сказала:

– Придётся тройки исправлять на пятёрки. Нам нужна пятёрка в четверти.

– Вряд ли даже при большом желании вашему сыну удастся совершить этот подвиг. Осталось одно занятие, – заметил Папа Карло, – разве только в следующей четверти.

– Подвиг будите совершать вы. Берите ручку и исправляйте, – Мирзоева придвинула к Папе Карло журнал и бросила на него авторучку.

– Вам нужны эти пятерки! Вы и рисуйте! Хоть в каждой клеточке, и не по одной, а по две, – засмеялся Дмитрий Сергеевич, – только, пожалуйста, быстрее. Мне надо отнести журнал в учительскую.

– Ты что, не понял? – голос Мирзоевой стал срывать, – я тебе заплачу.

– Понял! Понял! Но мне надо сходить в учительскую узнать, почём нынче пятерки. Как бы не продешевить. А может, лучше я вам чистый классный журнал продам, чтобы вы расставляли в нём отметки по своему усмотрению? – Дмитрий Сергеевич продолжал веселиться.

– Ты, алкаш подзаборный, за каждую пятёрку плачу пятьдесят долларов, – завелась Мирзоева, – тебе до конца года хватит на похмелье, да ещё и на дешёвую шлюху останется. На вокзале подберёшь себе какую-нибудь потасканную. Отмоешь, и будет твою постель согревать, – Мирзоева, видимо, навела справки о личной жизни Папы Карло.

– Дмитрий Сергеевич, соглашайтесь! – раздался голос Машеньки Апухтиной, вернувшейся за забытой тетрадью, – но с условием, что она сама будет постель согревать, а то от вокзальной шлюхи можно нехорошей болезнью заразиться. Да и для неё прямая выгода: долларов пять из пятидесяти сэкономит, отдаст натурой.

– Ах ты сучка, – зашипела Мирзоева.

– Конечно, сучка, – согласилась Машенька, – но без морщин на лице, без свисающего до колен живота и без кривых волосатых ног, затянутых в чёрные колготки.

Мирзоева от негодования потеряла дар речи и, брызгая слюной, выскочила из класса.

– Должен заметить, – произнёс после короткого молчания Папа Карло, – что это касается только меня.

– Ошибаетесь, – возразила Машенька, – это касается нас всех.

Очень быстро её слова подтвердились. Когда Машенька возвращалась через сквер домой, дорогу ей преградили Карабас Барабас и Дуремар.

– Есть разговор, – сказал Карабас, – отойдём в сторону.

Машенька встала под дерево и закурила сигарету, её обступили Карабас и Дуремар.

– Мать говорит, что ты обозвала её проституткой?

– Проституткой я её не могла обозвать. Это – профессия. Если бы я обзывала, то обозвала бы шлюхой. Это – образ жизни.

Чтобы не видеть наклоняющуюся к ней рожу Мирзоева, Машенька стала рассматривать пепел на кончике дымящейся сигареты.

– Это ты шлюха, – прошипел Карабас Барабас. – И сейчас, шлюха, ты меня поцелуешь.

Жирные мокрые губы Карабаса Барабаса приблизились к лицу Машеньки. Отклонять голову было некуда, и Машенька воткнула в эти губы зажжённую сигарету. Мирзоев взвыл и сильно ударил Машеньку по лицу.

– Эй, мерзавец, Мирзоев, – раздался окрик Дмитрия Сергеевича, – тебе никто не говорил, что женщин бить нельзя?

Карабас Барабас повернулся на голос, и стремительно приближающийся Папа Карло со всего маху врезал ему в челюсть. Больше ничего совершить Папа Карло не успел. Пустая винная бутылка, управляемая пьяным Дуремаром, опустилась ему на голову...

Дмитрий Сергеевич очнулся утром с перевязанной головой в больничной палате. Первое, что он увидел, это сидящую возле себя Машеньку. Она сильно осунулась, было видно, что она не спала прошедшей ночью, и тёмные круги под глазами практически слились с лиловым синяком на правой щеке. Улыбнувшись через силу, Дмитрий Сергеевич произнёс:

– Ну что, мать Мария? Буду жить?

– Да, – помолчав, сказала Машенька – и добавила, сжав ему руку, – со мной.

– Я ненадолго уйду, мне надо хотя бы умыться. Жди меня, я скоро вернусь.

Она ушла, но после обеда вернулась, и не одна. Вместе с ней ввалились Генка Шестаков, Артём Вересов и Петька Карев. У Артёма была перевязана кисть правой руки.

В палате вертелась медсестричка Катюша. Она носилась вокруг лежащего Дмитрия Сергеевича и щебетала, как птичка.

– Ой, Дмитрий Сергеевич, давайте я вам подушку поправлю.

– Может, вас на бок повернуть?

– Помочиться не хотите? Я утку принесу.

Белый короткий халатик, под которым практически ничего не было, едва не разрывался под напором Катиного бюста и оголял её круглую попку во время наклонов и приседаний.

– Катюша, мне бы поговорить с ребятами...

– Да-да, Дмитрий Сергеевич, позвоните, если что.

Катюша вышла, вслед за ней вышла Машенька.

– Поговорите пока без меня.

За дверью Машенька схватила за руку уходящую Катю и сказала:

– Больше без нужды возле него не вертись и оставь свои эротические потуги.
– Он тебе кто? Учитель или жених? – насмешливо спросила Катя.

– Он мне любовь! – ответила Машенька и больно сжала правой рукой Катину грудь.

– Ты что, сдурела? – заверещала медсестричка.

– Да, сдурела по самые уши. Сдурела настолько, что оторву тебе всё твоё богатство, если будешь к нему клеиться.

Машенька приподняла левой рукой Катин подбородок и выдохнула сквозь зубы:

– Возле него отныне и навсегда будет только одна стерва! Я!

Она отпустила Катю, и та, всхлипнув и одёрнув халатик, убежала.

Машенька вернулась в палату.

– Мирзоева может возбудить против тебя уголовное дело, – говорил Папа Карло Артёму.

– Пусть возбуждает, свидетелей не было. Буратино закрыл снаружи дверь, пока я их бил, а руку я мог повредить на тренировке.

– Не посмеют, – вмешалась Машенька, – блатные на Мирзу будут пальцем показывать, и с ним дела никто не будет иметь. Они уйдут из школы, иначе Артём их будет бить каждый день.

– Это, братцы мои, на кровную месть смахивает, – сказал Папа Карло.

– Это и есть кровная месть. Я способен их убить, но не хочется из-за гнид в тюрьме сидеть. Буду методично их изводить, как тараканов или клопов.

– Дмитрий Сергеевич, – влез Петька Карев, – мы, конечно, ещё деревяшки, но вспомните сказку. Папа Карло никогда бы не одолел Карабаса Барабаса, если бы куклы ему не помогли.

Через неделю Дмитрий Сергеевич выписался из больницы. Несмотря на протесты и увещевания родителей, Машенька перебралась жить к нему. В сложившейся ситуации от преподавания в школе необходимо было отказаться, и Дмитрий Сергеевич принялся восстанавливать прежние связи. Теперь ему было за что бороться, Машенька стала его знаменем. Терпя унижения и преодолевая отчаяние, он стал распрямляться. День за днём, сантиметр за сантиметром.

Машенька неотступно находилась рядом, и, опираясь на её худенькие, но негибкие плечи, в течение двух лет он полностью воспроизвёл свою предыдущую карьеру. Ещё через два года они перебрались в разряд состоятельных людей, так как выпускаемые их компанией антивирусные компьютерные программы стали пользоваться большим спросом.

В конце концов Дмитрий Сергеевич и Машенька нашли время и зарегистрировали брак, а ещё через год Машенька родила сына.

Дмитрий Сергеевич присутствовал при родах. Машенька держалась за его руку и успокаивала:

– Не волнуйся! Всё будет хорошо! Всё будет хорошо!

Когда раздался крик ребёнка и им сообщили, что родился мальчик, Дмитрий Сергеевич не удержался и шёпотом спросил у Машеньки:

– А как его зовут?

– Его зовут Карл, – ответила Машенька.

– Ты теперь папа Карла – нашего любимого короля.